

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2024, Том 16, № 2 / 2024, Vol. 16, Iss. 2 <https://esj.today/issue-2-2024.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/18ECVN224.pdf>

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

DOI: 10.15862/18ECVN224 (<https://doi.org/10.15862/18ECVN224>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Багдасарян, К. М. Структурная трансформация мировой экономики / К. М. Багдасарян // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 2. — URL: <https://esj.today/PDF/18ECVN224.pdf>. — DOI: 10.15862/18ECVN224.

For citation:

Bagdasaryan K.M. World economy structural transformation. *The Eurasian Scientific Journal*. 2024; 16(2): 18ECVN224. Available at: <https://esj.today/PDF/18ECVN224.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: 10.15862/18ECVN224.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

УДК 339.9

Багдасарян Княз Мнацаканович

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия

Старший научный сотрудник

Кандидат экономических наук

E-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru

RePEc: <https://authors.repec.org/pro/pba1467/>

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1076>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=810838

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/AAH-9531-2019>

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57222369885>

Структурная трансформация мировой экономики

Аннотация. Происходящие за последние годы изменения в международной торговле и многосторонней торговой системе Всемирной торговой организации вызвали много дискуссий о трансформации мировой экономики. При этом всеобщее единое понимание генезиса трансформации мировой экономики отсутствует. Торговые санкции, введенные в одностороннем порядке группой недружественных стран против Российской Федерации, способствовали фокусировке внимания на прикладных торговых аспектах и сформировали узкое видение причин происходящих изменений, преимущественно связываемых с изменениями международных торговых потоков.

На основе обобщенного теоретического анализа и систематизации наиболее значимых событий, оказавших влияние на ход развития мировой торгово-экономической и финансово-экономической систем, показано, что драйверами структурной трансформации мировой экономики являются технологии. По мнению автора, структурная трансформация как процесс преобразования началась в 2008 г. (более 15 лет назад), в настоящее время происходит системная (!) трансформация мировой экономики и международных институтов, отвечающих за глобальное развитие и международное разделение труда. Это объясняется тем, что: (а) в 2008 г. была положена основа новой глобальной финансовой системы на базе технологии блокчейн; (б) в 2011 г. на Ганноверской промышленной выставке была положена основа четвертой промышленной революции (Industry 4.0) через оптимизацию производств и интеграцию киберфизических систем в заводские процессы; (в) в 2017 г. началась системная трансформация международных институтов через изменение действующих более полувека правил международной торговли и разделения труда.

В теории полученные результаты означают, что мир столкнулся с фундаментальными изменениями, которые имеют необратимый характер.

В практике полученные результаты означают, что для долгосрочного устойчивого развития экономики России и сохранения стратегических торгово-экономических связей с интеграционными группировками СНГ и ЕАЭС, необходим поиск всестороннего международного консенсуса и активное участие в формировании новых норм и правил функционирования международных институтов и международных экономических отношений.

Ключевые слова: технологии; трансформация; промышленная революция; устойчивое развитие; новые институты

Введение

С 2020 г., когда началась глобальная пандемия Covid-19 и под предлогом ветеринарного и карантинного контроля (т. н. санитарный и фитосанитарный контроль) вся мировая торговля оказалась парализованной, среди специалистов по международным экономическим отношениям, проблемам развития мировой экономики и глобализации участились разговоры о глобальной структурной трансформации экономики. Поскольку торговля является самым очевидным маркером происходящих в экономике изменений, структурную трансформацию начали ошибочно отождествлять с изменениями торговых потоков. Очевидно, что происходит изменение торговых потоков, однако это является не причиной трансформации и не их сутью, а следствием.

Искаженное представление о природе происходящих в мировой экономике процессов препятствует адекватному противостоянию системным вызовам и представляет угрозу развитию общественно-экономических отношений. Примером является невозможность реализации декларированной в далеком 2014 г. (десять лет назад!) Правительством Российской Федерации политики импортозамещения, в частности, в сельском хозяйстве, машиностроении и сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Несмотря на то, что в 2015 г. особым распоряжением была создана правительственная комиссия по импортозамещению, основные силы государства были брошены не на замещение критически важной импортной продукции отечественными аналогами, а на поиск альтернативных обходных путей поставок зачастую некритических санкционных продовольственных товаров и сельскохозяйственной продукции. Появившееся в 2022 г. в экспертных кругах новое слово «импортонезависимость» вместо импортозамещения по большей части подчёркивает некоторую имитационную суть действующих подходов. Между тем, малозамеченными остаются изменения в сформировавшейся за последние полвека системе международного разделения труда, которые тесно связаны с трансформациями производственно-сбытовых цепочек.

Основной интерес автора связан с поиском реальных причин структурной трансформации экономики для дальнейшего формирования адекватных концептуальных подходов и стратегий не только на уровне Российской Федерации, но также на уровне институционально привязанных к ней государств-членов Евразийского экономического союза.

Целью исследования является выявление и систематизация наиболее существенных событий и изменений, которые запустили масштабный процесс преобразований в мировой экономике и системе международных экономических отношений. Авторская гипотеза заключается в том, что причиной структурной трансформации мировой экономики, которая сопровождается протекционизмом и усиленной борьбой за конкурентоспособность, является технологическое развитие.

Методы и материалы

Поскольку работа имеет преимущественно теоретический характер, в ней используются традиционные методы анализа для простоты восприятия максимально широким кругом читателей, в том числе из смежных областей науки. Для выявления причин трансформаций, происходящих в мировой экономике, используется системный анализ документов международных организаций и важнейших международных событий, которые задавали новые тренды развития различных отраслей и сфер человеческой жизнедеятельности. Выявление общих тенденций и новых трендов в международных экономических отношениях, на основе которых синтезировано несколько общих выводов, осуществляется с помощью индуктивного метода на основе изучения частных признаков.

Для демонстрации изменений роли и места лидирующих экономик в создании и перераспределении мирового продукта, участия в формировании мировой экономической конъюнктуры или частичного влияния на неё, используется эмпирический метод исследования количественных данных.

Данный анализ способствует переоценке восприятия вызовов, стоящих перед мировой и российской экономикой, а также формированию адекватных государственных мер реагирования.

Результаты исследования

Обзор проблематики

Структурная трансформация экономики в самом обобщенном виде определяется как качественное преобразование, направленное на внедрение новых технологических решений, способствующих устойчивому развитию всей общественно-экономической системы. Такой процесс, как правило, получает развитие, когда новые технологии или технологические решения уже прошли все этапы разработки и находятся на этапе широкого внедрения. Трансформация является лишь результатом предшествующих преобразований, то есть моментом преобразования, а не самим процессом преобразования системы.¹

В российской экономической литературе термин «экономическая трансформация» определяется как «коренное изменение экономической системы, носящее необратимый характер и образующее определенное состояние перехода в новое качество на пути к формированию будущей модели» [1, с. 30]. Подобное описание ситуации в мировой экономике также дали лидеры стран Шанхайской организации сотрудничества на Заседании Совета глав её государств-членов, которое состоялось 16 сентября 2022 г. в г. Самарканде. В частности, Президент России В. Путин в своем выступлении отметил, что в мировой политике и экономике наметились фундаментальные трансформации, которые носят необратимый характер.²

Наглядная демонстрация изменений позиций стран в мировой экономике представлена на рисунке 1.

¹ Багдасарян, К.М. Развитие сотрудничества России со странами СНГ в условиях структурной трансформации мировой экономики. (Часть I) / А.С. Фиранчук, А.Ю. Кнобель, В.В. Седалищев, Д.Е. Кузнецов, М.А. Баева, К.М. Багдасарян, М.О. Казарян, Ю.К. Зайцев // Препринт НИР. — РАНХиГС, 2023. — 36 с. — URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w20220273.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).

² Выступление Президента России на заседании Совета глав государств-членов ШОС в расширенном составе / KREMLIN.RU. — 2022. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/69361>. (дата обращения: 01.03.2024).

В среднесрочной перспективе эти изменения будут приобретать более выраженный и устойчивый характер. Согласно данным Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ) в ближайшей перспективе в результате происходящего т.н. «континентального сдвига» первая пятерка лидирующих экономик мира по показателю ВВП по паритету покупательной способности (ППС) будет состоять в основном из азиатских стран, вытеснив страны Запада на более низкие позиции.

■ — Азия, ■ — Европа, ■ — Америка, ■ — Россия; * прогноз

Рисунок 1. Динамика ВВП топ-10 стран мира по ППС
(составлено автором на основе данных МВФ³ (World Economic Outlook))

В отличие от Китая, чей стремительный экономический рост наблюдается на протяжении последних 30 лет, Индия и Индонезия начали занимать лидирующие позиции в мировой экономике относительно недавно и, как ожидается, к 2025 г., вопреки прогнозам, Индонезия может занять 5 место, обогнав Германию и Россию.

Одной из причин континентального сдвига в экономике Азии является растущий средний класс. Хотя в начале XXI в. Китай показал фантастические темпы роста экономики, которые сохранятся в ближайшие 15–20 лет, ожидается, что в дальнейшем страна столкнется со старением населения (*англ.* ageing population), в результате чего её позиции в мировой экономике существенно изменятся. По данным американского аналитического Центра стратегических и международных исследований (CSIS) в 2050 г. доля экономически активного населения Китая в возрасте 65+ превысит 50 % рубеж и к концу века приведет к сокращению населения Китая в два раза, а именно до 770–800 млн чел.⁴ Примечательно, что в Индии этот возрастной рубеж 65+ будет пройден лишь к 2100 г. То есть в долгосрочной перспективе драйвером мировой экономики рассматривается Индия.

³ GDP based on PPP, share of world / World economic outlook / IMF. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/AFG> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ How Severe Are China’s Demographic Challenges? // CSIS China Power Project. — 2023. — Режим доступа: <https://chinapower.csis.org/china-demographics-challenges/> (дата обращения: 01.03.2024).

Факторам, формирующим структурную трансформацию мировой экономической системы, посвящен доклад ЮНКТАД (Technology and innovation report 2021).⁵ К ним относятся следующие передовые технологии: искусственный интеллект, цифровизация, высокоточная робототехника и биотехнологии. По данным ЮНКТАД объем рынка передовых технологий по состоянию на 2021 г. составил 350 млрд долл., но к 2025 г. вырастет до 3,2 трлн долл. С экономической точки зрения это открывает большие возможности для тех, кто готов инвестировать в новый технологический уклад. Главным принципом новой технологической и инновационной политики ЮНКТАД в области устойчивого развития на период до 2030 г. является создание институционально равных условий для всех без исключения стран.

Трансформации мировой и российской экономик имеют существенно отличающиеся друг от друга причины. Если драйвером трансформации мировой экономики является технологическое развитие, то драйвером трансформации российской экономики в настоящее время является торгово-политическое санкционное давление со стороны развитых стран и международных организаций.

На форуме инновационных финансовых технологий Finopolis, который состоялся 9–11 ноября 2022 г. в г. Москве, Председатель Правления СБЕР Герман Греф назвал санкции драйвером для развития российских компаний. Перспективы развития российских компаний он охарактеризовал следующим образом: «Российским компаниям в условиях жестких санкционных ограничений рассчитывать не на кого, и это является большим драйвером для дальнейшего развития. Жизнь нас заставляет быть оптимистами, потому что третьего не дано: либо ты оптимист, либо ты отправляешься на свалку истории. Поэтому у любого менеджера, у любого предпринимателя оптимизм является одним из необходимых профессиональных патронов в обойме. Если этого нет, про все остальное говорить не следует».⁶

Поскольку экономическая трансформация, осуществляемая под давлением внешних факторов, всегда является обстоятельством «форс-мажора», она реализуется с распределением приоритетов по их важности для общественно-экономической системы в целом. Например, в докладе Аналитического Кредитного Рейтингового Агентства (АКРА) приоритеты распределены на три перспективных этапа: краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный.⁷

Краткосрочные меры реагирования (срок 1–2 года), как правило, направлены на недопущение дефицита товаров на рынке и резкого ухудшения микро- и макроэкономических условий. Можно констатировать, что все соответствующие краткосрочные меры реагирования относительно успешно реализуются с весны 2022 г.

Среднесрочные меры реагирования (срок 3–5 лет) направлены на трансформацию рынка в соответствии с возникшими вызовами. Они требуют перехода от адаптационной политики к политике создания новых условий во взаимодействии с внешними экономическими агентами. Для этого требуется изменение приоритетов государственной внешнеэкономической и национальной политик.

⁵ Доклад ЮНКТАД: Технологии и инновации 2021. На гребне технологических волн. — 2021. — Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020overview_ru.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

⁶ Греф назвал санкции драйвером для развития российских компаний // ТАСС. — 2022. — Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/16288289> (дата обращения: 01.03.2024).

⁷ Доклад аналитического агентства АКРА: Санкции и структурная перестройка. — 2022. — Режим доступа: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/ff3/a39ry38q401g92o64r70mlp9k3rch0tp/20220623_RRFDK.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

Долгосрочные меры реагирования (срок ≥ 5 –10 лет) направлены на полное устранение ограничений, препятствующих стратегическому развитию национальной экономики и созданию условий для устойчивого развития. Они включают в себя широкий спектр изменений не только в экономике, но также в научной, кадровой и промышленной политиках.

Таким образом, преобразование экономической системы (т. е. структурная трансформация) затрагивает систему образования, рынок труда, требует создания новых компетенций и новой государственной и промышленной политики. В контексте трансформации российской экономики, которая строится на форс-мажорных обстоятельствах санкционных ограничений, помимо вышеперечисленных мер важно уделять приоритетное внимание преодолению технологического барьера.

В парадигме четвертой промышленной революции, которая в зарубежной научной литературе и международных организациях⁸ описывается концепцией Industry 4.0, структурная трансформация мировой экономики определяется как перемещение факторов производства, таких как земля, труд и капитал, из видов деятельности и секторов с низкой производительностью и добавленной стоимостью в сектора с более высокой производительностью и добавленной стоимостью, которые обычно отличаются организационно и технологически. Более высокая производительность обычно позволяет повысить уровень жизни, что делает структурную трансформацию центральным процессом экономического развития.

Однако, если исторически структурные преобразования приводили к росту физической занятости и заработной платы, создавая условия для более справедливого распределения доходов, то Индустрия 4.0, движимая передовыми технологиями, такими как искусственный интеллект, робототехника и «умное» производство, может коренным образом изменить экономические и институциональные правила игры и сформировать практически непреодолимую социально-экономическую дифференциацию общества.

Обзор основных факторов структурной трансформации

Для корректного выявления факторов структурной трансформации экономики важно определить исследуемый период и определяющие его события. Несмотря на то, что с начала XXI в. произошло много знаковых событий как регионального, так и глобального характера (например, террористические акты 11 сентября 2001 г. в США, непрекращающаяся война на Ближнем Востоке (т. н. «Арабская весна»), глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., потрясения на постсоветском пространстве, необходимо, базируясь на объективных предпосылках, определить условную «точку невозврата», после которой у ведущих стран мира, международных институтов развития и международного экспертного сообщества пришло осознание необходимости структурных экономических трансформаций.

Теоретическим и практическим вопросам структурной трансформации уделено немало исследований зарубежных и отечественных авторов. Например, вся экономическая философия австрийского экономиста начала XX в. Й. Шумпетера⁹ [2] объясняет непосредственную связь между структурной экономической трансформацией и новыми технико-технологическими решениями (т. е. инновациями).

⁸ Доклад ЮНКТАД: Structural transformation, Industry 4.0 and inequality: Science, technology and innovation policy challenges. // UNCTAD. — 2019. — Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ciid43_en.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

⁹ Основные идеи Й. Шумпетера касательно непосредственной связи структурной трансформации экономики с инновациями выражены в его теории «созидательное разрушение» (англ. creative destruction), впервые представленной в монографии «Capitalism, Socialism and Democracy» от 1943 г. [2].

Лауреат Нобелевской премии по экономике Саймон Кузнец в своей работе «Экономический рост и структурные изменения на примере Тайваня», опубликованной в 1979 г., определяет структурную трансформацию экономики переходом экономической активности из сельского хозяйства в промышленные отрасли, а затем из промышленности в сферу услуг¹⁰ [3].

Автор теории постиндустриального общества американский социолог Даниел Белл в работе «Приход постиндустриального общества», опубликованной в 1974 г., определял трансформации в социальной структуре как результат трансформации в экономической системе, технологиях и способах производства [4]. В свою очередь, основной причиной экономической трансформации он считал наукоемкую промышленность и наукоемкие решения государственных проблем (*англ.* science based governmental problem solving). По его мнению, центральное место и главную роль в трансформациях занимает наука и страта¹¹ учёных. Политическая и культурная страты традиционно не заинтересованы в каких-либо трансформациях.

Американский социолог Элвин Тоффлер, автор термина «постиндустриальное общество», считал, что трансформацию нужно рассматривать не как продолжение развития общества в прежнем направлении, а как радикальное изменение, возможно даже отрицающее предшествующий опыт [5]. Поэтому процесс трансформации следует характеризовать также и с точки зрения глубины процесса качественного видоизменения системы.

В некоторых работах современных исследователей также глубоко осмысливаются причины структурной трансформации как таковой. Например, в исследовании канадских экономистов, посвященном структурной перестройке глобализации (*англ.* The structural reshaping of globalization) на основе беспрецедентно широкого обзора литературы (более двухсот научных источников), одним из главных факторов, который меняет устоявшиеся нормы и правила текущего мирового экономического порядка, указан технологический. Авторами вводятся такие понятия, как техно-национализм и техно-глобализм [6].

Предельно развернутое описание структурной трансформации экономики представлено в статье профессора Кириченко (Иванова) В.Н. [7]. Автор исследования исходит из следующих установок: изменения, происходящие по горизонтали, являются модернизацией, по вертикали — трансформацией. В первом случае меняются количественные характеристики, во втором случае — качественные. По мнению автора, трансформация является скачком, знаменующим перерождение системы. Однако, в исследовании трансформации как явления наблюдателю необходимо отделять все предшествующие этапы количественных и качественных изменений от финального момента преобразования. Именно финальный момент преобразования проявляет наблюдателю результаты всех предшествующих этапов количественных и качественных изменений.

Исходя из вышесказанного предполагается, что преобразование экономической системы из состояния количественного роста в состояние качественного роста началось намного раньше. В этом контексте представляет интерес глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

¹⁰ Саймон Кузнец впервые опубликовал своё видение структурной трансформации экономики в первой главе (стр. 15–131) коллективной монографии «Economic growth and structural change in Taiwan» под общей редакцией Walter Galenson в 1979 г. [3].

¹¹ Термин «страта» в основном используется в социологических науках. Он характеризует некий привилегированный общественный слой или группу людей, объединенных каким-либо общим социальным признаком. Синоним слова «сословие».

В исследовании американского лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица, посвященном структурной трансформации экономики, отмечается, что несмотря на то, что кризисные события 2008 г. были названы «финансовым кризисом, в результате которого обанкротился крупнейший американский банк Lehmann Brothers и пострадала вся международная финансовая система, спустя несколько лет, когда пострадавшие банки были в значительной степени рекапитализированы, но при этом спад экономики продолжился, пришло понимание того, что эти события ознаменовали не только финансовый кризис» [8, с. 44].

Джозеф Стиглиц отмечает, что финансовый кризис 2008 г. стал возможен в результате неспособности американских властей начать структурную трансформацию экономики. Для реализации структурной трансформации необходимо было переходить на кейнсианскую модель, однако доминирующая либеральная идеология правительства США этого не хотела и фактически способствовала возникновению кризиса. По его мнению, действия правительства США по структурной трансформации экономики должны были соответствовать логике военного времени и вместо рекапитализации банков должны были быть направлены на проведение новой промышленной политики, поддерживающей новые отрасли, и массовое повышение квалификации на рынке труда, чтобы помочь людям перейти из старых отраслей в новые. В заключении автор отмечает, что в периоды структурной трансформации экономики без вмешательства государства в экономику в виде реализации кейнсианской промышленной политики всегда будут происходить провалы рынка.

Исходя из вышесказанного можно констатировать, что структурная трансформация экономики США, и вследствие этого, мировой экономики началась после осознания причин и последствий глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Однако, поскольку трансформация в качественно новое состояние по умолчанию отождествляется с развитием и внедрением новых технологий (или переходом на новый технологический уклад), которые всегда являются определяющим конкурентным фактором (!), то публичные разговоры, в основном, ограничивались поверхностными обсуждениями и лозунгами.

Термин Industry 4.0 (широко трактуемый как четвертая промышленная революция) впервые был озвучен на крупнейшей в мире Ганноверской промышленной выставке (Германия) в 2011 г.¹² Уже тогда представители крупного бизнеса пообещали миру промышленную революцию через оптимизацию производств и интеграцию киберфизических систем в заводские процессы.

Позже эту концепцию заимствовали США, и новую промышленную политику, в том числе концептуально соответствующую рекомендациям Дж. Стиглица, максимально открыто (отчасти агрессивно) в практическом плане начал реализацию 45-й президент США — Дональд Трамп. Лозунг всей его президентской компании и срока управления (2017–2021 гг.) «Make America Great again» означал именно промышленное и технологическое развитие, которое сможет вытащить американскую экономику из сферы услуг и вернуть ей «былое Величие». В противном случае он считал,¹³ что США грозит вторая «Великая депрессия».¹⁴ Примечательно,

¹² Kagermann H., Lukas W.D., Wahlster W. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. Industriellen Revolution // DFKI — German Research Center for Artificial Intelligence. — 2011. — No. 13 (Seite 2). — Режим доступа: https://www.dfki.de/fileadmin/user_upload/DFKI/Medien/News_Media/Presse/Presse-Highlights/vdinach2011a13-ind4.0-Internet-Dinge.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

¹³ Дональд Трамп предрек новую Великую депрессию // Коммерсант. — 2023. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5873833>. (дата обращения: 01.03.2024 г.)

¹⁴ Великая депрессия — мировой экономический кризис, начавшийся 24 октября 1929 г. с биржевого краха в США и продолжавшийся до 1939 г. Больше всего пострадали промышленные города, практически прекратилось строительство, резко упали цены на сельскохозяйственную продукцию, безработица затронула 14 млн человек.

что Дж. Стиглиц в упомянутом ранее исследовании, посвященном именно структурной трансформации экономики, на примере «Великой депрессии» и «Великой рецессии» 1930-х гг. предельно четко показал, что отказ от проведения назревших структурных преобразований в экономике приводит к длительным экономическим спадам (рецессиям и депрессиям). Хотя проводимую Д. Трампом экономическую политику Дж. Стиглиц категорически не поддерживал и критиковал [9].

В контексте вышесказанного и в рамках политики реиндустриализации в 2017 г. США также объявили о выходе из Парижского соглашения по вопросам климатических изменений со следующей формулировкой: «Во избежание навязанных драконовских стандартов, ограничивающих развитие американского бизнеса и промышленности». По словам Д. Трампа, «Парижское соглашение перераспределяет американские богатства в пользу других стран, а выполнение положений этого договора может обернуться для США потерей 2,7 млн рабочих мест к 2025 г.». ¹⁵ Официальное завершение выхода из Соглашения, согласно процедуре, состоялось 4 ноября 2020 г. ¹⁶

Определив за условную «точку невозврата» 2008 г., с которой продолжение развития экономической (в частности, финансовой) системы в прежнем направлении стало невозможно, поскольку требовались коренные качественные преобразования, отчасти знаменующие перерождение системы, можно выделить некоторые наиболее важные факторы, влияющие на международное сотрудничество, региональную экономическую интеграцию и международную торговлю. К ним относятся:

1. Технология блокчейн, цифровизация, криптоэкономика.
2. Скачок технологического развития и роботизация производственного процесса.
3. Реформы ВТО, ограничение режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле.
4. Изменение генеральной системы тарифных преференций ЮНКТАД (GSP — *англ.* Generalized System of Preferences) и правил международных организаций в одностороннем порядке.

Блокчейн, цифровизация, криптоэкономика

Кризис современной финансово-экономической системы, начавшийся в 2008 г., предвосхитил начало трансформационного периода глобальной финансовой системы. В этот же год группа японских разработчиков под псевдонимом Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto) заложила основу новой глобальной финансовой системы на базе технологии распределенного реестра данных блокчейн и цифровой экономической платформы, более известной как криптоэкономика.

По мере развития технологии блокчейн и новой пиринговой ¹⁷ электронной платежной системы Bitcoin с одноименной единицей учета измерений, то есть виртуальной валютой, началась широкая глобальная разработка и внедрение аналогичных систем. На сегодняшний день в мире существуют сотни (!) различных криптовалют.

¹⁵ США официально вышли из Парижского соглашения по климату // ООН. — 2020. — Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1389732> (дата обращения: 01.03.2024 г.).

¹⁶ В 2021 г., первым приказом нового президента Д.Байдена, США снова присоединились к Парижскому соглашению по климату.

¹⁷ Пиринг (от *англ.* peering) означает обмен трафиком через децентрализованную сеть, в котором каждый узел (peer) является как клиентом, так и выполняет функции сервера. Отсутствует необходимость централизованного сервера.

Несмотря на критику криптоэкономики и криптовалют, эти системы всё активнее развиваются и трансформируют финансовую и экономическую системы.

На апрельском заседании МВФ 2023 г. обсуждался вопрос о перспективах внедрения новой глобальной цифровой валюты UNICOIN в работу центральных банков.¹⁸ Платформа UNICOIN позволяет осуществлять трансграничные денежные переводы, минуя корреспондентскую банковскую систему, осуществлять конвертацию по лучшим оптовым валютным курсам и с мгновенным расчетом в режиме реального времени.

Предельно подробное описание теоретических аспектов развития криптоэкономики и перспектив использования технологии блокчейн в финансовом секторе изложено в работе российских исследователей из РАНХиГС [10]. Авторами сделан вывод, что исследование криптоэкономики и её составляющих частей — технологии блокчейн и криптовалюты как нового феномена — формирует понимание того, что в странах, где происходит активное внедрение этих технологий, осуществляется трансформация существующего социально-экономического уклада.

Скачок технологического развития и роботизация

В 2020 г. два американских экономиста Marshall Auerback и Jan Frel из Экономического института Леви (г. Нью-Йорк) опубликовали весьма интересную статью под названием «Скрытая экономическая тенденция разрушает глобальную систему торговли» [11].

В этой статье обращает на себя внимание одна важная и в то же время простая мысль. Авторы отмечают, что *«современные трансформационные процессы в мировой экономике вызваны тем, что новые технологии позволяют быстро расширять существующие производства или запускать новые и прибыльные производственные мощности с одинаковыми издержками на внутренних рынках крупных государств или различных союзов с их участием»*.

Первые признаки сокращения производственно-сбытовых цепочек и их трансформации проявились с началом распространения пандемии COVID-19. Департамент стратегических исследований и статистики ЮНИДО в 2020 г. опубликовал первое открытое исследование под названием (как пандемия COVID-19 разрушает глобальные цепочки стоимости).¹⁹ Авторами исследования были представлены аналитические и статистические данные, доказывающие, что «экономический кризис, вызванный распространением пандемии, затрагивает прежде всего такие аспекты функционирования глобальных цепочек создания стоимости, как производство, международная торговля и инвестиции». По мнению авторов статьи, «глобальный характер негативных экономических последствий, затрагивающих большое количество стран, требует выработки комплексного решения, учитывающего интересы всех участников производственно-сбытовых цепочек».¹⁹

Меры ветеринарного и карантинного контроля (т. н. санитарные и фитосанитарные меры), которые были приняты во время глобальной пандемии COVID-19, оказали если не разрушительное, то весьма существенное негативное воздействие на десятилетиями

¹⁸ Pugh. Digital Currency Monetary Authority launches international CBDC // FinTech Futures. — 2023. — Режим доступа: <https://www.fintechfutures.com/2023/04/digital-currency-monetary-authority-launches-international-cbdc/>. (дата обращения: 01.03.2024 г.).

¹⁹ A. Seric, H. Görg, S. Möhle, M. Windisch How the pandemic disrupts global value chains // UNIDO. — 2020. — Режим доступа: <https://iap.unido.org/articles/how-pandemic-disrupts-global-value-chains> (дата обращения: 01.03.2024).

формировавшиеся ведущими технологически развитыми странами мира *глобальную торговлю и глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС)*.

Важно отметить, что трансформация ГЦДС способствует не только перераспределению производственных мощностей, но вместе с этим меняет современную систему международного разделения труда, основанную на сравнительных преимуществах Дэвида Рикардо. Этот процесс создает кризис ВТО и требует согласования и выработки новых правил. Таким образом, можно констатировать, что структурная трансформация экономики в конечном итоге приведет к её системной трансформации.

Поскольку структурная трансформация глобальной экономики вызвана технологическим развитием, она не может быть описана в исключительно экономической логике, тем более рыночной. Этот процесс в равной степени имеет политэкономическое измерение.

Ограничение режима РНБ в торговле и реформы ВТО

С приходом в 2017 г. к власти Дональда Трампа, США внесли в повестку ВТО вопрос о реформе организации. Основным направлением реформ были обозначены принципы и процесс урегулирования споров. В августе 2017 г. США заявили, что не согласятся на запуск процесса отбора для заполнения вакансий в Апелляционном органе, пока не будут устранены их системные опасения относительно системы разрешения споров ВТО. Несмотря на то, что все члены ВТО были против препятствия процессу отбора новых членов Апелляционного органа, который в конечном итоге привел к блокированию его работы, половина членов ВТО поддержала озабоченность США, а другая половина выразила готовность обсудить эту озабоченность.²⁰

В итоге тупик в вопросе назначения новых членов Апелляционного органа, представляющих США, не только подорвал систему разрешения споров ВТО в целом и доверие к самой организации, но и лишил всех её членов законного права на обязательный двухэтапный процесс разрешения споров, который является фундаментальной основой системы ВТО.

В результате того, что США удерживают процедуры назначения и переназначения Апелляционного органа и истечения срока полномочий членов Апелляционного органа, он с декабря 2019 г. больше не может рассматривать новые или находящиеся на рассмотрении апелляции. На сегодняшний день несколько десятков постановлений комиссии были обжалованы «в пустоту», что означает, что разрешение этих споров невозможно до тех пор, пока не будут назначены новые члены Апелляционного органа. Все будущие постановления комиссии также будут обжалованными «в пустоту», если не будет найден выход из тупика.

Исходя из вышеизложенного, мировая экономика сталкивается уже не со структурной трансформацией, а с попыткой системной трансформации международных экономических отношений (МЭО).

Результатом подрыва системы разрешения споров ВТО и резкой политизированности со стороны США отчасти стало неприменение группой недружественных стран (49 государств) к России режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле. Лишение статуса РНБ является основой торгово-политических санкций коалиции западных государств в отношении Российской Федерации. Фактически это означает неприменение режима ВТО в различных сферах и дискриминацию нашей страны в многосторонней торговой системе [12].

²⁰ WTO reform — an overview // WTO. — 2022. — Режим доступа: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc12_e/briefing_notes_e/bfwtoreform_e.htm (дата обращения: 01.03.2024).

В контексте исследуемой проблематики важно отметить, что действующий более полувека РНБ в разное время подвергался критике. Несмотря на то, что РНБ является ключевым принципом системы ГАТТ/ВТО, в американской экономической литературе за последние 20 лет имело место обсуждение вопроса будущего применения его статуса, хотя в российской литературе этот вопрос старались обойти.

В опубликованном Комиссией по международной торговле США²¹ исследовании «Взлет и падение положения о РНБ»²², авторы пишут, что обеспечение доступа на рынки крупных развитых экономик (на примере США) с помощью РНБ стимулирует перемещение факторов производства в развивающихся государствах в экспортный сектор. Это увеличивает их выгоды от торговли и способствует накоплению капитала в этих отраслях экономики.

Однако, проведя анализ затрат и выгод (*англ.* cost benefit analysis) авторы сопоставляют полученную предельную экономическую пользу с предельными экономическими издержками в развитых странах и приходят к выводу, что со временем такое международное распределение факторов производства на основе сравнительных преимуществ может привести к тому, что выигрыш развитых стран от РНБ превратится в убыток. Таким образом, на основе полученных результатов авторами исследования был сделан вывод о том, что к концу XX в. США должны были отменить действие режима РНБ для всех развивающихся стран (!) или изменить условия их предоставления. [13] Хотя государственные органы официально никогда не придерживались подобной позиции.

Стоит отметить, что исследование тематики статуса РНБ и связанных с ним вопросов применения также выявляет наличие политэкономического измерения.

Изменение GSP и правил международных организаций в одностороннем порядке

Еще одним фактором, оказавшим влияние на международное сотрудничество, региональную экономическую интеграцию и международную торговлю является система присвоения статуса развивающейся страны.

Прежде всего важно отметить, что нет единого критерия определения развивающихся стран как на уровне международных организаций, в том числе Всемирной торговой организации, так и на уровне стран-доноров всеобщей системы тарифных преференций GSP. Перечень наименее развитых стран определяет ООН, и они автоматически становятся получателями тарифных преференций в рамках GSP. Определение статуса в рамках ВТО, например, полностью зависит от отдельных членов, которые сами относят себя к той или иной группе. Поэтому данный вопрос также включен США при поддержке группы развитых государств в повестку необходимых реформ ВТО. В связи с этим в 2019 г. американской делегацией был представлен большой подробный доклад (WT / GC / W / 757) с говорящим названием «Безразличие ВТО к самопровозглашению статуса развитости страны делает ее институционально несостоятельной».²³

²¹ Комиссия по международной торговле США (*англ.* U.S. International Trade Commission) — это агентство федерального правительства США, которое консультирует законодательную и исполнительную ветви власти по вопросам торговли.

²² Cebi P. The Rise and Fall of the Most-Favored-Nation Clause / P. Cebi. R. Ludema — DOI 10.22004/ag.econ.15853 // Office of Economics of the U.S. International Trade Commission. — 2002. — Working paper No. 2002-06-B. — Режим доступа: <https://www.usitc.gov/publications/332/ec0206b.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

²³ An undifferentiated WTO: self-declared development status risks institutional irrelevance. Communication from the United States / WTO. 2019. — Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:WT/GC/W757.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

Из-за растущей конкуренции со стороны динамично развивающихся стран ведущими развитыми странами мира в период 2012–2022 гг. были пересмотрены критерии по определению экономического статуса других стран в частном порядке, вне рамок международных организаций (более подробно см. [14]). Эти изменения сформировали новый международный тренд и оказали влияние не только на систему предоставления торговых преференций, но и на национальную торговую политику ряда развитых стран, таких как США, Канада, Япония, Великобритания и интеграционных группировок Европейский Союз и ЕАЭС.

В результате изменения положений о субсидиях, компенсационных мерах, пороговых значениях для незначительного субсидированного импорта из развивающихся и наименее развитых стран, а также установления новых критериев по субсидированному импорту и определению страны в качестве развивающейся, изменения показателей незначительных объемов импорта для целей антидемпинговых расследований произошла эволюция GSP и сформировались новые правила её функционирования. Эти изменения нашли свое отражение на общих правилах международной торговли в рамках ВТО и де-факто внесли изменения в её архитектуру. Характер рассматриваемых процессов в некоторой степени выходит за рамки структурных и способствует системным (!) изменениям.

Первая попытка Министерства торговли США в августе 2021 г. по запуску процедуры пересмотра рыночного статуса экономики России, а в дальнейшем — лишения искомого статуса рыночной экономики полностью вписывается в международный тренд по установлению новых форм борьбы за международную конкурентоспособность, к которой также относится начавшаяся в 2017 г. торговая война с Китаем.

Обсуждение

Обобщение и систематизация причинно-следственных факторов трансформации мировой экономики способствовали:

- а) определению точки невозврата, с которой продолжение развития торгово-экономической и финансово-экономической систем в прежнем направлении стало невозможным;
- б) определению основных драйверов трансформации, которые являются исключительно технологическими;
- в) выявлению неизбежности системной трансформации, которая выражена в институциональных правилах международных организаций, отвечающих за международное разделение труда и экономическое развитие.

В контексте рассматриваемой проблематики появление новых технологий у многих стран вызывает страх и опасение по гуманитарным соображениям, поскольку их внедрение увеличивает социальное неравенство не только внутри самих государств, но и между государствами, между союзами, регионами и континентами. Новая реальность, с которой сталкивается наука и общество, вызывает тревогу, в первую очередь, у политиков и политизированных организаций. В упомянутом ранее докладе ЮНКТАД также затрагиваются вопросы и проблемы трансформации общественно-экономической системы в результате технологического развития. Однако реализуя свои уставные функции и будучи органом Генеральной Ассамблеи ООН, авторы доклада обоснованно призывают не к дефрагментации мировой экономической системы, а к укреплению международного сотрудничества с целью создания условий относительно равномерного развития не только технологий, но также институтов, отвечающих за экономическое и международное развитие. Представляется, что новые вызовы не являются поводом торможения технологического развития, а требуют

возвышения над политическими амбициями для выстраивания новых общественно-экономических отношений, соответствующих мировому научно-техническому развитию.

Заключение

Поскольку исследуемый вопрос затрагивает отношения между рынком и государством, индивидом и обществом, оказывает трансформационное воздействие на социально-экономический уклад, он автоматически приобретает междисциплинарный характер.

Рассматриваемые структурные трансформации экономики за последнее десятилетие сопровождались подходами, в которых доминировали соображения национальной безопасности. В частности, «торговые войны» последних лет между государствами-членами ВТО обосновывались Статьей XXI ГАТТ — «Исключения по соображениям национальной безопасности». Такая практика сразу привела к тому, что представители разных государств и ВТО в целом начали трактовать норму о национальной безопасности по-своему, что легло в основу парализации работы системы разрешения споров Организации.

Гарантией устойчивого развития мировой экономики и международных экономических отношений является поиск всестороннего международного консенсуса и устранение потенциальных угроз национальной безопасности.

Ни одна страна мира в обозримом будущем не может рассчитывать на достижение полного технологического суверенитета, если его понимать как абсолютную технологическую независимость от иностранных партнеров. Создание собственных критических технологий «любой ценой» может быть оправданным в случаях, когда перед государством стоит экзистенциальный вызов. Оптимальной стратегией для обеспечения притока в национальную экономику необходимых технологий, высокотехнологичных товаров, оборудования, промежуточных и инвестиционных продуктов видится не консервация экономики, а развитие международной производственной и научно-производственной кооперации. Реализация технологической политики эффективной самодостаточности подразумевает ускоренное развитие технологичных отраслей, критически важных для функционирования национальной экономики в течение времени, необходимого для долгосрочного замещения новыми зарубежными партнерами разорванных международных кооперационных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпунина, Е.К. Трансформация как способ развития экономической системы / Е.К. Карпунина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2011. — № 4(96). — С. 27–35. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kak-sposob-razvitiya-ekonomicheskoy-sistemy/viewer> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Schumpeter, J.A. Capitalism, Socialism and Democracy / J.A. Schumpeter. — Stockholm University. Taylor & Francis published edition. — 460 с. — URL: <https://periferiaactiva.files.wordpress.com/2015/08/joseph-schumpeter-capitalism-socialism-and-democracy-2006.pdf> (дата обращения: 28.03.2024)
3. Kuznets, S. Growth and Structural Shifts / S. Kuznets // Economic Growth and Structural Change in Taiwan. — London. — Cornell University Press. — 1979. — 519 с.). — С. 15–131. — URL: <https://archive.org/details/economicgrowthst0000unse/page/130/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 28.03.2024).

4. Bell, D. The Coming of Post Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell // Heinemann. — 1974. — 507 с. — URL: https://www.mona.uwi.edu/dlis/sites/default/files/dlis/D_Bell-The-Coming-of-Post-Industrial-Society-1.pdf (дата обращения: 28.03.2024).
5. Toffler, A. The Third Wave / A. Toffler. — New York. — William Morrow & company, inc. — 1981. — 552 с. — URL: https://ia801200.us.archive.org/9/items/TheThirdWave-Toffler/The-Third-Wave_-_Toffler.pdf (дата обращения: 28.03.2024).
6. Petricevic, O. The structural reshaping of globalization: Implications for strategic sectors, profiting from innovation, and the multinational enterprise / O. Petricevic, D.J. Teece. — DOI <https://doi.org/10.1057/s41267-019-00269-x> // Journal of International Business Studies. — 2019. — Т. 50. — С. 1487–1512. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41267-019-00269-x> (дата обращения: 28.03.2024).
7. Кириченко, В.Н. Рыночная трансформация экономики: теория и опыт / В.Н. Кириченко // Российский экономический журнал. — 2000. — № 11-12. — С. 34–37. — URL: <https://spbib.ru/catalog/-/books/12257042-rynochnaya-transformatsiya-ekonomiki-teoriya-i-opyt> (дата обращения: 01.03.2024).
8. Stiglitz, J.E. How to Restore Equitable and Sustainable Economic Growth in the United States. / J.E. Stiglitz. — DOI <https://doi.org/10.1257/aer.p20161006> // The American Economic Review. — 2016. — Т. 106, № 5. — С. 43–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/43860984> (дата обращения: 01.03.2024).
9. Stiglitz, J.E. Trump and Globalization / J.E. Stiglitz. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2018.03.006> // Journal of Policy Modeling. — 2018. — Т. 40. — № 3. — С. 515–528. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0161893818300541?via%3Dihub> (дата обращения: 01.03.2024).
10. Багдасарян, К.М. Теоретические аспекты развития криптоэкономики и перспективы использования технологии блокчейн в финансовом секторе / К.М. Багдасарян, В.Д. Еремин, // Вестник Евразийской науки. — 2021. — Т 13. — № 1. — URL: <https://esj.today/PDF/45ECVN121.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).
11. Auerback, M. New Fault Lines in a Post-Globalized World / M. Auerback, J. Ritch-Frel // American Affairs Journal. — 2020. — Т. IV. — № 4. — URL: <https://americanaffairsjournal.org/2020/11/new-fault-lines-in-a-post-globalized-world/> (дата обращения: 01.03.2024).
12. Пахомов А.А. Неприменение РНБ — основа торгово-политических санкций в отношении России / Пахомов А.А. // Экономическое развитие России. — 2022. — Т. 29. — № 11. — С. 13–19. — URL: http://edrussia.ru/images/pdf/2022/11/red_1122_Pakhomov.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
13. Ludema R.D. Do countries free ride on MFN? / Ludema R.D., Mayda A.M. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2008.08.004> // Journal of International Economics. — 2009. — Т. 77. — № 2. — С. 137–150. — URL: <https://www.cirje.e.u-tokyo.ac.jp/research/workshops/micro/micropaper08/micro0312.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

14. Багдасарян, К.М. Эволюция генеральной системы предпочтений / К.М. Багдасарян. — DOI <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.278-297> // Регионология. — 2022. — Т. 30. — № 2(119). — С. 278–297. — URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/2022_2/02_bagdasaryan.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

Bagdasaryan Kniaz Mnatsakanovich

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru

RePEc: <https://authors.repec.org/pro/pba1467/>

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1076>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=810838

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/AAH-9531-2019>

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57222369885>

World economy structural transformation

Abstract. The recent changes in international trade and the multilateral trading system of the World Trade Organization have led to many discussions on the transformation of the world economy. Meanwhile, there is no common understanding of the genesis of the transformation of the world economy. Trading sanctions imposed unilaterally by a group of unfriendly countries against the Russian Federation contributed to the focus on applied trade aspects and formed a narrow vision of the causes of the ongoing changes, mainly associated with changes in international trade flows.

Based on the generalized theoretical analysis and systematization of the most significant events that have influenced the course of development of the world trade and economic, financial and economic systems, it is shown that the drivers of structural transformation of the world economy are technologies. In the author's opinion, structural transformation as a process of transformation began in 2008 (more than 15 years ago), currently there is a systemic (!) transformation of the world economy and international institutions responsible for global development and international division of labor. This is explained by the fact that: (a) in 2008, there was laid the foundation of a new global financial system based on blockchain technology; (b) in 2011, at the Hannover Industrial Fair, there was laid the foundation of the fourth industrial revolution (Industry 4.0) through the optimization of production and integration of cyber-physical systems into factory processes; (c) in 2017, there began a systemic transformation of international institutions by changing the rules of international trade and division of labor that have been in force for more than half a century.

In theory, the obtained results mean that the world is facing fundamental changes that are irreversible.

In practice, it means that for the long-term sustainable development of the Russian economy and the preservation of strategic trade and economic ties with the integration groupings of the CIS and EAEU, it is vital to seek a comprehensive international consensus and actively participate in the formation of new norms and rules of international institutions and international economic relations.

Keywords: technologies; transformation; industrial revolution; sustainable development; new institutions